

НАУКА, ОБЩЕСТВО, УПРАВЛЕНИЕ НАУКОЙ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Обзор книжных новинок по тематике журнала

На рубеже 2020 и 2021 гг. вышел ряд заслуживающих внимания книг, затрагивающих вопросы взаимодействия государства и научного сообщества, а также цифровизации в контексте научно-технологической политики. Кроме того, в начале нового десятилетия появилось несколько обобщающих работ, подводящих своего рода «промежуточные итоги» научно-технологического развития за последние годы. В нижеследующем обзоре представлены некоторые из этих монографий, объединённые как тематикой, так и кругом исследуемых проблем.

Наступление нового десятилетия закономерно стимулирует появление публикаций, в которых делаются попытки осмыслить произошедшие в недавнем прошлом перемены в сфере науки и технологий. Одна из наиболее крупных (и по тематическому охвату, и по объёму) работ такого типа – «Технология и общество. Построение социально-технологического будущего» (*Technology and Society. Building Our Sociotechnical Future*) – вышла в самом начале 2021 г. Её авторы-составители – Д. Ветмор и Д. Джонсон – специалисты в области социологии науки и технологий – собрали срез экспертных мнений о наиболее перспективных направлениях научно-технологического развития, дополнив его аналитическим обзором нескольких наиболее значимых сейчас теорий в зарубежном науковедении, а также попыткой подвести некоторые итоги последних 15–20 лет с учётом проявившихся тенденций научно-технологического развития. Среди экспертов, чьи мнения представлены в книге, – широкий круг специалистов по вопросам научно-технологического развития, выдающихся учёных, политических аналитиков и экономистов, от

социолога Б. Латура до физика Ф. Дайсона. Основная цель авторов книги – не только дать обзор произошедших изменений, но и очертить контуры наступающего будущего, выявив наиболее вероятные сценарии развития науки и технологий, а также их воздействия на общество в целом.

Одной из сквозных тем книги можно назвать перспективы «цифровой трансформации», «дигитализации» или «цифровизации» науки (сам этот процесс ещё не имеет устоявшегося определения). Вопрос о воздействии цифровой трансформации на гуманитарные науки отдельно рассматривается в книге «Цифровая трансформация и гуманитарные науки: вызовы и возможности» (*Transformative Digital Humanities: Challenges and Opportunities*), посвящённой вопросам взаимодействия цифровых технологий и различных отраслей гуманитарного знания – от истории и культурологии до филологии и лингвистики. Книга особенно ценна тем, что охватывает не только опыт одной или двух стран, где цифровизация уже вызвала глубокие перемены в науке, но и даёт сравнительную перспективу: в ней представлены работы учёных из стран с разными научными традициями, включая США, Испанию, Германию, Канаду и Китай. Несмотря на широкий спектр затронутых проблем, книга всё же стремится держать в фокусе внимания один ключевой вопрос: как именно цифровизация меняет методы, способы работы и коммуникации в сфере гуманитарных наук.

Цифровизация оказывает существенное воздействие не только на науку, но и на управленческие практики в научно-технологической сфере, в том числе и на те, что связаны с участием государства. В этой связи представляет интерес книга Ч. С. Кунга «Развивая цифровое госуправление. Южная Корея как лидер по цифровизации правительства» (*Developing Digital Governance. South Korea as a Global Digital Government Leader*). Её автор – профессор государственного управления в Университете Кёнсон, участвовавший в разработке концепции «электронного правительства». В центре книги находится исследование южнокорейского опыта цифровизации государственного управления, в том числе – в научной среде, или, точнее говоря, в области управления наукой. И хотя название книги указывает лишь на одну страну, по замыслу её тематика значительно шире заявленной: во-первых, автор регулярно проводит сравнения Южной Кореи с другими странами (прежде всего с США и Великобританией) по параметрам цифровизации (как в отдельных отраслях управления, так и в целом в контексте идеи «электронного правительства», основанного на передовых информационных технологиях), а во-вторых, в книге ясно просматривается стремление к обобщению южнокорейского опыта: автор не столько описывает перипетии национального процесса цифровизации, сколько предлагает взглянуть на опыт Южной Кореи как на один из наиболее оптимальных сценариев цифровизации в государственном управлении вообще и в научно-технологической сфере в частности.

Размывание грани между наукой и псевдонаукой – один из наиболее серьёзных вызовов, связанных с процессом цифровизации. Ведь распространение новых технологий позволяет не только сокращать барьеры между учёными или делать научные открытия более доступными широкой публике, но также даёт широкий набор инструментов противникам научного

мировоззрения. О феномене псевдонауки рассказывает книга «На грани. Где наука встречается с псевдонаукой» (*On the Fringe. Where Science Meets Pseudoscience*). Её автор, профессор М. Д. Гордин, специалист по интеллектуальной истории, рассматривает историю псевдонауки на различных примерах (алхимия, френология, астрология, лысенковщина), прослеживая, как псевдонаука утверждала себя в качестве феномена «на грани» подлинной науки, ускользающего от строгих критериев и определений, но при этом легко обретающего массовую популярность. Помимо проблемы демаркации науки и псевдонауки, автор также задаётся вопросом, как и почему именно сейчас псевдонаука распространяется несмотря на то, что доступ к научной информации теперь расширился до беспрецедентных масштабов.

Проблематика становления научного знания также занимает центральное место в книге «Цивилизация и культура науки. Наука и создание современности. 1795–1935» (*Civilization and the Culture of Science. Science and the Shaping of Modernity, 1795–1935*) С. Гаукрогера, специалиста по интеллектуальной истории. Его работа – широкий исторический обзор развития науки и укрепления научного метода как основного способа познания. Но структура книги, выбранная автором, отталкивается не столько от линейной хронологии, сколько от проблематики: Гаукрогер исследует оформление автономии различных дисциплин, сгруппированных им в крупные «тематические комплексы», например, «науки о жизни», «науки о природе» и т. д. Эти главы дополняются очерками, в которых автор рассматривает постепенное проникновение науки в общественное сознание, рост авторитета науки в обществе и к началу-середине XX в. – превращение науки в основной источник знаний о мире и человеке. Наряду с этим в книге описываются процессы создания научной инфраструктуры – возникновение университетов, лабораторий, министерств, занимающихся делами науки.

Своего рода дополнением к книге Гаукрогера можно считать работу российского антрополога Е. А. Долговой «Рождение советской науки», посвящённую становлению советского научного сообщества в 1920-е и 1930-е гг. Используя статистику и привлекая широкий круг источников, автор стремится воссоздать тот исторический контекст, в рамках которого происходило становление советской научной традиции, фокусируясь на отношениях учёных и государства. В этот основной сюжет вплетены смежные вопросы, такие как влияние марксистской идеологии на научную жизнь, специфика реформ в ранней советской науке, публичная роль учёных в советском обществе и финансовый аспект научной деятельности в рамках складывающейся советской системы государственного управления.

Последняя тема, представленная в монографии Е. А. Долговой, любопытным образом перекликается с тематикой книги «Для чего социальная наука? Сражения за госфинансирование в Национальном научном фонде» (*Social Science for What? Battles over Public Funding for the “Other Sciences” at the National Science Foundation*), подготовленной М. Соловьём, историком науки и технологий, специализирующимся на истории науки во второй половине XX в. Его исследование посвящено истории финансирования социальных наук Национальным научным фондом в США с середины XX века и до на-

ших дней. Особый интерес книга вызывает по двум причинам. Во-первых, в ней на одном конкретном примере рассказывается о том, как в США (стране, традиционно воспринимаемой как цитадель «рыночных методов» в управлении наукой) финансируются научные проекты именно в рамках государственного бюджета, а не с помощью частных средств. Во-вторых, на более общем уровне книга даёт достаточно детализированный пример отношений научного сообщества (точнее, той его части, которая связана с социальными науками) с государством. При этом автор не столько критикует ту или иную сторону «сражения» за какие-то «провалы в коммуникации», сколько стремится воссоздать логику споров вокруг того, должно ли государство финансировать социальные науки, и если да, то какие из них следует признать приоритетными; как, исходя из каких критериев распределять доступный фонду бюджет, и, наконец, какова практическая польза от тех или иных социальных наук именно с точки зрения их поддержки государством. Иными словами, в книге исследуется не только ряд управленческих решений, но и аргументация их сторонников и противников.

ПЕРЕЧЕНЬ КНИГ, УПОМЯНУТЫХ В ОБЗОРЕ

1. Technology and Society. Building Our Sociotechnical Future. (2nd ed.) Ed. by D. G. Johnson and J. M. Wetmore. The MIT Press, 2021. 592 p.
2. Transformative Digital Humanities: Challenges and Opportunities. Ed. by M. M. Balkun, M. M. Deyrup. Routledge, 2020. 204 p.
3. Choong-sik Chung. Developing Digital Governance. South Korea as a Global Digital Government Leader. Routledge, 2020. 302 p.
4. Gordin, M. D. On the Fringe. Where Science Meets Pseudoscience. Oxford University Press, 2021. 136 p.
5. Gaukroger, S. Civilization and the Culture of Science. Science and the Shaping of Modernity, 1795–1935. Oxford University Press, 2020. 544 p.
6. Долгова, Е. Рождение советской науки: учёные в 1920–1930-е гг. РГГУ, 2020. 474 с.
7. Solovey, M. Social Science for What?: Battles over Public Funding for the “Other Sciences” at the National Science Foundation. MIT Press, 2020. 398 p.

*Материалы рубрики подготовил
Д. В. Соколов, научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН*